

И.Е. Каплан

«Тамань»

Противоречивый характер Печорина не прост для понимания учащимися. Определенная трудность для восприятия рассказа «Тамань» таится в том, что учащиеся встречаются с особой манерой повествования, когда между читателем и героем нет посредников: рассказ о событиях ведет герой, и все дано сквозь призму его восприятия. Печорин как личность выявляется не только через поступки, сам характер дневниковых записей говорит о нем как о человеке одаренном.

Печорин приехал в Тамань поздно ночью на перекладной тележке. До этого он «три ночи не спал, измучился»; казалось бы, предельно уставший человек не способен уже ни на что реагировать. Но стоило Печорину, после того как он приготовился ко сну, заметить «на яркой полосе, пересекающей пол», мелькнувшую тень, и он пытается узнать, кто этот любитель ночных прогулок. Оказавшись свидетелем странной встречи совершенно незнакомых ему людей, Печорин решает «достать ключ этой загадки». Он решителен и смел. Печорин идет на свидание с девушкой-контрабандисткой, хотя понимает, что это чревато всякими неожиданностями. Ведь не случайно он берет с собой оружие и приказывает казаку быть начеку. И далее поединок с девушкой не притупил его жадного интереса к действительности. «Подстрекаемый любопытством», он вновь продолжает свои наблюдения. Однако Печорин не пассивный свидетель событий, а во многом их участник и «творец».

Печорин с грустью думает о том, что он нарушил установившийся быт чужих людей. Скрытая боль содержится в словах Печорина:

«И зачем было судьбе кинуть меня в мирный круг *честных контрабандистов!*¹ Как камень, брошенный в гладкий источник, я встревожил их спокойствие и, как камень, едва сам не пошел ко дну!»

В литературоведческих работах и до сих пор можно найти неточное, на наш взгляд, толкование смысла образов контрабандистов. В них Лермонтов якобы показал гордость и свободолюбие, внутреннюю красоту, нравственную силу, определяющие превосходство простого человека из народа над миром аристократов, даже в лице их лучших представителей.

Контрабандистам нельзя отказать в смелости, умении постоять за себя, цельности характера. Да и сам Печорин отдает должное самообладанию девушки, ее бесстрашию. Он не осуждает ее действия. «Ты видел, ты донесешь!» — и это объясняет стремление «ундины» покончить с человеком, который может их предать. Печорина привлекает отвага Янко, его вера в свои силы: «Мне везде дорога, где только ветер дует и море шумит!»

Однако для Печорина контрабандисты отнюдь не идеальные люди. Их риск подчинен наживе. И служить они будут тому, кто больше им заплатит. Они черствы и эгоистичны. Ни Янко, ни «ундину» судьба старухи и слепого мальчика не волнует. С циничной откровенностью Янко попросит слепого передать старухе, «что, дескать, пора умирать, зажилась, надо знать и честь». А слепой на прощание получит лишь на пряники. Сколько обиды и боли в одном слове мальчика: «Только?» Обида так велика, что мальчик даже не поднял упавшую монету.

¹ В словах Печорина «мирный круг честных контрабандистов» звучит ирония. Круг жизни их далеко не мирен и не безопасен, но они по-своему «честно» зарабатывают себе на жизнь, пренебрегая опасностью.

В противоположность контрабандистам действия Печорина лишены какой-либо корысти. Он пытается хоть чем-нибудь утолить потребность своей активно ищущей натуры. В то же время Печорин хорошо понимает бесплодность и случайность своих действий.

Печорин не безразличен к «радостям и бедствиям человеческим». Он с «биением сердца» наблюдает за лодкой с гребцом, которому разбушевавшаяся стихия грозит гибелью. Печорин рад, что девушка, покушавшаяся на его жизнь, не утонула; он сочувствует горю мальчика:

«Долго при свете месяца мелькал белый парус между темных волн; слепой все сидел на берегу, и вот мне послышалось что-то похожее на рыдание: слепой мальчик точно плакал, и долго, долго... Мне стало грустно».

Печорину трудно покинуть слепого. Его чуткая, остро реагирующая натура сумела постичь драму мальчика, оставленного людьми, к которым он был привязан, служил им верой и правдой. Эта боль о мальчике прозвучит в горестной иронии финальных строк рассказа:

«Что случилось с старухой и с бедным слепым — не знаю. Да и какое дело мне до радостей и бедствий человеческих, мне, странствующему офицеру, да еще с *подорожной по казенной надобности...*»

Выделенные слова следует прокомментировать. *Подорожная* — документ, дающий право пользоваться почтовыми лошадьми. В подорожных указывалось, по чьей надобности едет путник, обозначен путь следования. Слова «с подорожной по казенной надобности» содержат свой подтекст: какое дело мне, Печорину, до горестей других, когда мой путь предначертан, обозначен. В этом плане заслуживает внимания замечание И. Анненского:

«... в последней сцене, покинув на берегу слепого мальчика, так и покинуть его тихо и безутешно плачущим и не обмолвиться напоследок ни словом о родстве своем...»

Да, есть что-то общее в судьбе странствующего офицера и слепого: бесприютность, бесперспективность, даже отчаяние...

Последняя фраза рассказа вернет нас к воспоминаниям Печорина о холодном и в то же время близком ему Петербурге:

«Я завернулся в бурку и сел у забора на камень, поглядывая вдаль; предо мной тянулось ночью бурей взволнованное море, и однообразный шум его, подобный ропоту засыпающего города, напомнил мне старые годы, перенес мои мысли на север, в нашу холодную столицу. Волнуемый воспоминаниями, я забылся...»

Очевидно, определение *холодную* говорит и о нравственном климате города, с которым связаны радостные и горестные воспоминания героя.

Печорин любит природу, умеет видеть ее краски, слышать ее звуки, любоваться ее картинами, замечать постоянно совершающиеся в природе изменения. Все охватывают его острый слух и взгляд. Он вслушивается в ропот волн, любит жизнь моря. Общение с природой всегда для Печорина радостно.

Герой романа не только глубоко чувствует красоту природы, но умеет о ней рассказать языком художника: «бесперывным ропотом плескались темно-синие волны», «тяжелые волны мерно и ровно катились одна за другой, едва приподнимая одинокую лодку, причаленную к берегу». Как точно слово Печорина, как разнообразен ритм предложений, передающих движение волн! Два лаконичных предложения, казалось бы, об одном и том же. Но море изображено разное. В первом инверсия («плескались... волны»), цвет волн («темно-синие») передают картину бурного моря, во втором предложении слова *тяжелые, мерно и ровно* воссоздают картину умиротворенного моря.

Печоринское видение моря образно, сравнения, к которым он прибегает, выразительны: лодка, «как утка, ныряла и потом, быстро взмахнув веслами, будто крыльями, выскакивала из пропасти среди брызгов пены...»

Мысль Печорина отточена до афоризма:

«Как камень, брошенный в гладкий источник, я встревожил их спокойствие и, как камень, едва сам не пошел ко дну!»

Отдельные строки по своей образности, ритму напоминают стихи:

«Луна тихо смотрела на беспокойную, но покорную ей стихию».

«Предо мной тянулось ночью бурей взволнованное море».

«Она, казалось, ждала вопроса, но я молчал, полный неизъяснимого смущения».

Печорин начитан¹, суждения его оригинальны, наблюдательность исключительна. Он замечает малейшие изменения в интонации, в выражении лица, умеет почувствовать связь между поведением и внутренним состоянием человека. По тому, как слепой уверенно ступал с камня на камень, избегая рытвин, для Печорина очевидно, что «это была не первая его прогулка». По тусклой бледности лица девушки он улавливает ее волнение, по тому, как она всматривается в даль моря, — беспокойство.

В рассказе о себе у Печорина нет никакой рисовки, приукрашивания своих поступков. С обнажающей правдой он пишет о своем грубом обращении со слепым мальчиком. Он не боится предстать в неприглядном свете, беспристрастно рассказав о своем поединке с контрабандисткой. Ведь это девушка диктует ему свои условия. И лишь случайность спасает его от гибели.

Уже начальные строки рассказа настораживают читателя, говорят о каких-то драматических событиях в жизни героя:

«Тамань — самый скверный городишка из всех приморских городов России. Я там чуть-чуть не умер с голода, да еще вдобавок меня хотели утопить».

Дальнейшее повествование о приезде героя в Тамань разворачивается необычайно стремительно:

«Ямщик остановил усталую тройку у ворот единственного каменного дома, что при въезде. Часовой, черноморский казак, услышав звон колокольчика, закричал спросонья диким голосом: “Кто идет?” Вышел урядник и десятник. Я им объяснил, что я офицер, еду в действующий отряд по казенной надобности, и стал требовать казенную квартиру. Десятник нас повел по городу. К которой избе ни подъедем — занята. Было холодно, я три ночи не спал, измучился и начинал сердиться. “Веди меня куда-нибудь, разбойник! хоть к черту, только к месту!” — закричал я».

Простые предложения, обиходная лексика, обилие глаголов, разговорный характер отдельных выражений, синтаксических конструкций («к которой избе ни подъедем — занята») придают особую живость этому отрывку. В такой стремительной манере изложены события Печориным.

Живость языку повествования придает и множество фразеологизмов: «скрылся бог знает куда», «последние слова мои были вовсе не у места», «она была далеко не красавица», «не сломил себе шеи», «хвать за пояс», «надо знать и честь», «эта комедия начинала мне надоедать, и я готов был прервать молчание самым прозаическим образом», «потерял их из вида», «дела пошли худо», «прочитать на лице», «родилось подозрение», «пришла на мысль», «делать было нечего», «насилу дождался», «куда... таскался».

Необыкновенно выразительна диалогическая речь, в которой выявляется темперамент, склад ума человека. Внимание учащихся привлечет разговор Печорина с девушкой. Ее уклончивые ответы свидетельствуют о скрытности характера, постоянной настороженности, остром уме, образности речи. Ответы контрабандистки по своему содержанию и форме напоминают пословицы:

¹ См. реминисценции из «Евгения Онегина» («Правильный нос в России реде маленькой ножки...»), Жуковского («Моя ундина!» — произведение «Ундина»), французских писателей («Открытие принадлежит юной Франции» — группе писателей-романтиков, куда входил и Гюго), Гёте («Гётева Миньона» — героиня произведения Гёте «Ученические годы Вильгельма Мейстера»).

«Скажи-ка мне, красавица, – спросил я, – что ты делала сегодня на кровле?» — «А смотрела, откуда ветер дует». — «Зачем тебе?» — «Откуда ветер, оттуда и счастье» — «Что же? Разве ты песнею зазывала счастье?» — «Где поется, там и счастливится». — «А как неравно напоешь себе горе?» — «Ну что ж? где не будет лучше, там будет хуже, а от худа до добра опять недалеко».

Язык рассказа богат синонимами: *жилище, дом, изба, хата, лачужка; крыша, кровля; взор, взгляд; луна, месяц; ямщик, извозчик; «устремил на меня глаза свои», «глаза ее с бойкою пронизательностью останавливались на мне», «пристально посмотрела мне в глаза»* и т.д.

Порой писатель обращается к одному и тому же слову, используя его различные смысловые значения. Сошлемся на отдельные примеры:

«Комендант ничего не мог сказать мне *решиительного*» (определенного).

«Мы оба по пояс свесились из лодки; ее волосы касались воды, минута была *решиительная*» (критическая).

«*Решиительно*, я никогда подобной женщины не видывал» (здесь *решиительно* в значении *пожалуй*).

«Вдруг что-то похожее на песню *поразило* (привлекло) мой слух».

«Меня, однако, *поразило* (удивило) одно: слепой говорил со мною малороссийским наречием, а теперь изъяснялся чисто по-русски».

«...я видел одни *только* (исключительно) ветхие заборы».

«На, купи себе пряников. — *Только?*» (и это все?)

«Только что (лишь) смерклось, я велел казаку нагреть чайник...»

«*Только* тут я опомнился» (здесь *только тут* в значении *вот тогда-то*).

«Луна *тихо* (спокойно) смотрела на беспокойную... стихию».

«*Тихо* (медленно, не спеша) пошла к пристани».

«... вот *показалась* между горами волн черная точка...»

«... по крайней мере, *показалась* ли хозяйка?» (здесь *показалась* в значении *появилась, пришла*) и т.д.

Простая структура предложений, «упругая глагольность», живость диалогов, богатство словаря, лаконичные пейзажные зарисовки — таковы характерные особенности языка новеллы.